

ГЛАВА 57

- Че, плитку на полу в кухне положил? – поинтересовался в нужное время Сергей, продолжая отслеживать все этапы моего ремонта.

- Да, положил, - кивнул я.

Мы были в офисе, Вера что-то усиленно печатала на компьютере. «Не иначе, учеба», - подумал я, глядя на ее усердность. Я сидел в кресле, Сергей стоял перед столом, поставив на него раскрытый портфель, в котором рассеянно ковырялся.

- А че, теплый пол не стал делать что ли? – удивился Сергей, достал из портфеля кошелек, расстегнул его.

- Неа, а нафиг? – удивился и я.

Сергей пустился в объяснения, как это удобно, особенно осенью, когда отопления еще нет и можно включить подогрев пола и ходить даже босиком по кафелю. Я был с ним согласен в плане удобства и комфорта, но...

- Я вот у себя в свое время в коридоре не сделал теплый пол, теперь жалею... – продолжил увещевать меня напарник. – Но в то время, когда я делал ремонт, его тогда и не было... Это шас его все кладут, и стоит он недорого, тебе б такой пол на кухню всего в десятку бы обошелся... Не знаю, что ты не стал делать, я бы положил на твоём месте!

- А у меня не холодно, - парировал я, сказав как есть. – Я сам думал, сентябрь настанет – пол ледяной в кухне будет... Нет, теплый! Я и шас, вон, ламинат кладу и в одних носках хожу и ничего, тепло... Нет смысла вообще, лишняя трата денег, да и только!

- Роман, да какие там деньги!? – наигранно сдвинул брови и улыбнулся Сергей. – Десятка! Вон, вынул из кармана, да и положил!

- Ну... – развел я руками, улыбнулся в ответ. – Уже все, положил плитку!

- Ну а ты хоть под ламинат положи тогда! – настаивал Сергей.

- Серый, да под ламинат он тем более не нужен! – парировал вновь я. – Он сам по себе теплее, чем плитка, дерево же...

Я понимал, куда клонит Сергей, а потому поступил просто – предложил ему тоже самое, сказал: «Да ты сам-то че теплый пол не положишь!? Ремонт же все равно собираешься делать в ванной и туалете! Вот заодно, одним разом и пол теплый сделай...»

- Да не, куда мне! – отмахнулся напарник. – Я и так вложился в ремонт на сто тысяч в ванной и туалете, мне сейчас уже не на что пока...

- Ну, в фирме возьми... – продолжал тыкать я Сергея его же приемчиками. – Ты ж сам говоришь, там всего-то десятка...!?

- Да не, не! – замахал тот руками прижатый в угол, закрыл портфель, сунул его под стол. Разговор почти иссяк, но Сергей раскрыл телефон и предложил посмотреть фотографии ремонта ванной и туалета в его квартире. Фотографии были показаны всем – мне, Вале и даже отстраненно сидящему в углу за компьютером Борису. Сергей жаждал откликов – оханий, аханий, восхвалений и всего такого. На фото все и вправду выглядело неплохо, но явно не на сто тысяч. «Тыщ шестьдесят-семьдесят», - отметил я про себя наметанным взглядом, понимая, что Сергей по привычке привирать завывал сумму.

- Тебе просто надо ко мне заехать, посмотреть, как я там все сделал! – закинул как бы невзначай мне предложение Сергей. Я выслушал, кивнул, но оставил его слова без ответа. Но Сергей добился своего – в субботу, после нашего очередного торчания на авторынке. Мы решили уехать оттуда в час, как вдруг он предложил:

- Поехали, доедем до меня, посмотришь, как я там ремонт сделал у себя!

- А ты на дачу же собирался к своим? – напомнил я.

- А мы съездим ко мне, посмотришь, и потом я уже оттуда на дачу поеду и тебя домой завезу! – продолжал Сергей. Ехать к нему не хотелось, я согласился, лишь бы утихомирить на время хвастливый зуд напарника. За полчаса Сергей ловко проскочил на левый берег через весь город по полупустым улицам. От впечатлений первого визита не осталось и следа – интерьер квартиры уже не казался мне таким роскошным и зажиточным. «Квартира как квартира... обычная мебель, порядком изношенный кухонный гарнитур, дешевые межкомнатные двери...» - думал я, едва поспевая мыслями за своим, уже опытным в ремонте и отделке взглядом.

- Вот, смотри, Ромыч! – окликнул меня Сергей, я обернулся и подошел к туалету, ощупал взглядом помещение, все было хорошо – плитка ровно лежала на полу и на стенах, упираясь в белый прямоугольник натяжного потолка.

- Ну, классно, слушай... – кивнул я. – Все так аккуратно, цвет красивый...

- Да, я решил положить эту плитку, она мне понравилась! – засуетился Сергей, получив требуемую дозу похвалы. – И инсталляцию тоже решил сделать, хоть она и дорого обошлась, в десятку, но так мне больше нравится!

- Да, красиво и практично, - кивнул я и заглянул в ванную – пол и стены, выложенные плиткой цвета лимона, натяжной потолок, новая ванна и...

- Умывальник я сюда поставил... – указал Сергей на тумбу с раковиной и встроенным поверх зеркалом. – Тоже в десятку обошелся...

- Да, хорошо, чистенько так, аккуратно, - сказал я и отстранился наружу от дверной коробки, обратил вдруг на нее внимание. Двери в обоих помещениях оказались жутко дешевыми, почти самыми дешевыми, какие только можно было сыскать в городе – не из массива и даже не частично, а совершенно полые внутри и из дешевой крашеной фанеры. В отличие от остальных работ, дверные коробки были установлены плохо – пазы запилены криво, волнообразные наличники прибиты как попало. Я уставился на двери.

- А че ты такие дешевые двери поставил? – задал я вопрос в лоб, ткнул пальцем в почти сантиметровую щель между наличником и коробкой. – Че-то как-то херово тебе их установили...

Сергей скривился, что-то пробурчал невнятное. Да я и не слушал. Я думал о другом, об ощущении, нехорошем ощущении. Мы словно играли в пинг-понг. Сергей начал хвастаться, я осаживал его. И это мне не нравилось. Не нравилось то, что его хвастовство пробуждало во мне нехорошую обратную реакцию – желание осадить хвастуна. И именно поэтому я избегал быть объектом его «пыжовства» – мне становилось нехорошо, даже скорее морально плохо, когда я осаживал Сергея. Такие ситуации не оставляли для меня приемлемого выхода – если не реагировать на пустое хвастовство, то через время так его наедаешься, что тошнит почти физически. А если осаживать, пресекать, то тратишься психически – противостояние забирает силы. И я, наученный схожими ситуациями, знал, что подобное случится снова. Потому я всячески уворачивался от частых «дружеских» зазываний Сергея ближе к нему, в его общество. Неважно где и как – погостить ли у него в квартире, вместе ли посидеть в кафе, выехать на природу. Да все, что угодно – нет! Ответ – нет! Шла будто невидимая игра, во всяком случае, я так себя ощущал – Сергей стремился увеличить наше совместное время, я же старался его сократить. Я крутил мысли в голове и понимал ситуацию так – будто у меня случился от общества Сергея «передоз». Уве-

личение «дозы» меня угнетало, я утомлялся психически сильно. Все мое естество интуитивно противилось контакту с Сергеем, желало свести его время к минимуму. И в ту поездку к напарнику домой я так же утомился сильно, у меня разболелась голова. На обратном пути я почти молчал, пребывая в странном состоянии – хотелось дать отдохнуть голове, а не получалось, мысли вспыхивали в ней одна за одной, гасли и тут же рождались вновь; процесс лишь ускорялся. И думалось хаотично всякое. Я стал подмечать все новые составляющие в личности Сергея. Например, он всегда говорил «я», если дело касалось какой-нибудь работы, которую он хотел приписать себе, как достижение. Взять тот же ремонт: Сергей – безрукий, это я уяснил, но он спокойно произносил фразу «я сделал», хотя по факту весь ремонт сделан наемными людьми. Я сравнивал его логику со своей. Я бы в таком случае сказал, и говорил «ванную и туалет выкладывал плиткой мастер». Я не приписывал чужого действия себе, говорил, как было на самом деле. Сергей же ловко выстраивал фразы – чужое успешное действие приписывал себе. Выходило это незаметно, ну кто обратит внимание на мелкие нюансы в построении речи? Правильно – никто. Но Сергей знал что делал, я это чувствовал. Механизм формирования подобных фраз действовал в нем уже на автомате. И был в таком действии важный смысл – сказанная определенным образом фраза, формировала у слушателя нужный образ Сергея. Чего тот и добивался. Сергей жульничал и здесь. Я наткнулся на следы и признаки его мелкого и незаметного жульничества везде. И чем сильнее я тянул за один факт мелкой лжи, тем все больше их я вытягивал в поле своего зрения. Ложь была практически повсюду. Мелкая, едва уловимая, она сквозила почти в каждом шаге Сергея, пронизывала все его существо и, вдобавок, будто опутывала и меня. Я вдруг осознал, что та трясина в которой я барахтался в ощущениях и состояла именно из лжи Сергея. Вот настоящая причина моего дискомфорта от общения с ним. Мы познакомились, время шло, я медленно и незаметно погружался в трясины его лжи. Та самая бочка меда капля за каплей наполнялась дегтем лжи. И когда я осознал всю причинно-следственную связь изменения моего понимания ситуации, положения, в какое я попал, объединившись с Сергеем, трясина лжи уже всю сдавливала мою грудь.

«Мне надо вырваться из всего этого, дотянуть год, сдать дела отцу и уезжать... Еще целый год, хотя, уже чуть меньше... Весной творческий конкурс, летом экзамены, осенью учеба... Год... Надо дотерпеть... Все как-то навалилось разом и давит... Мать не в себе... Отец... эта квартира, такая херня вышла... И как отец мог подумать, что я смоюсь с его деньгами? Кошмар... не понимаю... Откуда такие мысли? Я за всю жизнь не взял дома без спросу ни копейки... Откуда такие мысли у отца??? Надо будет постараться хоть какую-то сумму ему вернуть до отъезда... Неприятно, собственный отец обвинил в воровстве... Как можно обвинять в том, чего не случилось? Этого я вообще не понимаю... Дебильная ситуация... Обидно очень... За просто так... Работаешь, работаешь вместе... Не понимаю... Мы же вместе принимали решение о покупке квартиры... Ну, не доверяешь ты мне, кто тебе мешает оформить свою долю на себя? Никто... Сам же сказал, оформляй на себя... Я оформил... Странно... Я же отцу доверяю, наши общие деньги, все шестьсот пятьдесят тысяч лежали на его счету, у меня даже мысли не возникало, что отец может их присвоить... И это же деньги на счету, их можно умыкнуть в любой момент... Это не квартира, которую еще продать надо, а незаметно не продашь... Бред какой-то... Тупость какая-то... Не понимаю... И этот еще...»

Я глянул на Сергея, тот вел машину, смотрел на дорогу. Я вдруг осознал, что смотрю на напарника неприязненно, поспешно отвернулся к окну, чтоб не выдать свои мысли.

- О чем думаешь? – произнес Сергей, не отрывая взгляда от дороги.
- Да так, обо всем... херня какая-то в голову лезет...
- Ммм...
- Тряпку надо будет не забыть купить... – буркнул я после паузы. – А то «ниссан» уже грязный, надо будет его помыть...
- А, да, точно! – встрепенулся Сергей, будто тоже с радостью преодолел затянувшееся молчание. – Молодец, Роман! Вспомнил!
- И ведро нужно будет тоже...
- Ведро у меня есть на даче! А тряпку сейчас по дороге заеду и куплю...
«Мазда» преодолела мост через водохранилище и поехала вправо на подъем.
- Ты меня до самого дома не вези, чтоб не кружиться... – сказал я, подспудно понимая, что хочу поскорей расстаться с Сергеем. – На повороте высади, как на проспект выедешь... Я там выйду, пешком пройду, прогуляюсь...
Поворот. Сергей притормозил на обочине, я вышел, простился, «мазда» уехала. Я перешел дорогу и направился домой, а мысли все крутились и крутились в голове...

- Вот, купил тряпку! – распахнул вверх заднюю дверь «ниссана» Сергей, достал пенал, раскрыл его, выудил оттуда желтую фланелевую тряпку, показал мне, запихнул обратно. – Ведро вот... Ну че, за водой сходишь? А я помою тогда машину...

- Давай, - кивнул я, взял ведро и пошел к верхней части оврага, к трубе, спуск к которой начинался сразу за росшим на краю оврага кустарником. И спуск шел круто вниз метра на четыре, ноги на уклоне тропинки едва держались, выручали камни, удачно торчащие из стенки оврага на ширину шага. Ступая по камням, будто горный козел, я в пять выверенных шагов оказался у трубы. Из нее тянуло сыростью, но вода текла совершенно чистая. Я удивился, подставил ведро, оно заполнилось за три секунды. Я потянул ведро к себе, прикинул обратный путь и в те же пять, уже прыжков, выскочил наверх.

Сергей тер машину сухой тряпкой. Я поставил ведро на асфальт, пошел к киоску за стаканчиком кофе. Оказалось, мыть машины на площадке запрещалось, за это штрафовали, но половина продавцов все равно регулярно ходила с ведрами к трубе, оставляя после помывки под своей машиной большое пятно мокрого асфальта.

«Ниссан» мы в тот день не продали, уехали в час. А после обеда я продолжил класть ламинат. Предстояло самое сложное – собрать из досок первую длинную полосу метров в тринадцать и закрепить ее замками всю разом за предыдущую. Полоса должна была лечь насквозь из одной комнаты в другую через два дверных проема и коридор. Я прикинул, померял – выходило пять таких полос. С первой я возился долго – закреплял в одной комнате, замки откреплялись в другой, бежал туда – откреплялись в изначальном месте. Я все же изловчился и через двадцать минут справился, замки прихватились, я прошел вдоль полосы и защелкнул их все. Вышло хорошо, ламинированная поверхность в обеих комнатах будто стала единым целым. Следующие четыре линии я собрал ловчее.

Последняя неделя сентября прошла обыденно – развозили товар, работали в офисе. Вера, выкраивая время в работе, строчила очередные курсовые работы себе и Сергею. Печатала она много, перепечатывая из учебников фрагменты текста целыми страницами.

- А не проще ли отсканировать текст, а потом перегнать его через программу распознавания в цифровой документ, да и все? – предложил я Вере, наблюдая, как та решительно и ответственно колотит пальцами по клавиатуре.

Сергей устал на меня свой водянистый вопросительный взгляд, Вера перестала печатать, быстро обработала информацию.

- А что, так разве можно? – удивилась она.

- Можно конечно, сканируешь страницу, текст распознаешь, корректируешь нераспознанные места и все... – развел руками я.

- А что, может не весь текст распознать? – шмыгнул носом Сергей.

- Печатный в книге, я думаю, распознает весь... Это если рукописный, но для этого и программы уже посильнее, да оно и не надо! – отмахнулся я. – С книги нормально все распознает...

- Это что для этого нужно? – соображал Сергей. – Сканер, да?

- Да, просто сканер и все! – кивнул я. – Ну и программы нужные к нему, а они там уже будут на дисках в комплекте...

- Ну он же, сканер, не дорого стоит, да? – произнесла Вера.

- Я без понятия, Вер... – пожал я плечами. – Как принтер...

Я посмотрел на Сергея, тот все глядел сквозь меня, обдумывал. И я не удивился, когда спустя несколько дней он предложил купить на фирму сканер, мотивируя тем, что он нам нужен в работе. Документы сканировать нам требовалось крайне редко. Все поняв, я согласился. В день покупки сканера Вера уже его освоила. И когда на следующее утро я поднялся в офис, она всю сканировала свои учебники.

- Че, разобралась с ним? – кивнул я на сканер.

- Да! Там просто! – отмахнулась она, не отрывая глаз от монитора и не прерываясь.

Суббота, 27 сентября, авторынок. Я вышел из дома и чуть не околел на месте от холода. Я был без шапки. Зашагал к остановке, лицо сразу стянуло, изо рта пошел пар. Солнце только встало, висело на востоке в начале моей улицы злым большим красным шаром. Оттуда же катила маршрутка. Я сел в «пазик», единственный плюс которого – печка, в салоне было даже жарко, я быстро согрелся. Через четверть часа я оказался на площадке, Сергея не было. Десять минут я слонялся туда-сюда, охраняя свободное место, ощущая, как пробирает холод. Подкатил «ниссан», я нырнул в нагретый салон, расстегнул куртку, впуская под нее теплый воздух.

- Печку оставить? – сказал Сергей, зевая.

- Да, оставь, пусть... согреюсь хоть... – кивнул я, вздрогнув телом. – Пиздец холодно... Плюс два всего, прикинь!

- Даа... – кивнул Сергей, зевая что есть мочи.

- Блять, как мыть машину в такой холод!? – возмутился я, повернулся к Сергею. – Мож ну ее нахуй!? Ды не... надо, да?

Я посмотрел на напарника, поморщился.

- Да посмотрим, ща... – шмыгнул носом тот, поежился, скрестил руки на груди, устроился на сидении за рулем как-то полубоком и полусидя. Я так же устроился на своем. От внутренней зябкости подремать не вышло, я купил кофе, вернулся в машину. Сергей налил себе чаю из термоса.

- Вы на даче все еще живете? – сказал я.

- Да не, какая дача!?! – поерзал Сергей. – Лилька же с этого года в первый класс! Так, на выходные выезжаем туда с одной ночевкой и все... посмотрим по погоде... Вишь, как похолодало сильно... Это если ночевать на даче, то придется топить печку...

- А у вас там печка что ли!?! – удивился я.

- Да, печка! – кивнул Сергей. – Заготовливаем дрова на зиму... Там, может видел, когда был у меня на даче, сложена поленница из дров?

- Не, не видел, - покрутил я головой.

Мы сидели и оба оттягивали момент начала мытья машины. Жуть как неохота было возиться в ледяной воде. Снова выпили по стакану кофе и чая. Разговор зашел о кино.

- Помнишь, ты тогда говорил, что все творческие люди... они записывают свои мысли, какие им приходят во сне там, ну и вообще...? – вдруг произнес Сергей, так, словно весь предыдущий диалог по этой теме был лишь подготовкой.

- А, ну да! – кивнул я.

- И у меня вот снова было такое недавно... – продолжил Сергей, глаза его вспыхнули глубиной. – Я сплю и вдруг мне что-то такое во сне привиделось! Да так ярко! Я так все увидел отчетливо! Просыпаюсь...

Сергей сделал паузу, глядя устремленно перед собой сквозь все, левая рука его замерла в воздухе пальцами вверх, будто распустившийся цветок, он продолжил:

- И вспоминаю наш разговор... И думаю – надо записать, то, что приснилось! И я такой собираюсь встать... И даже уже начинаю... И тут такая мысль в голове – да ну его нафиг... И я такой, бух, обратно на подушку и дальше спать...

Сергей снова замер в паузе, я не перебивал, мне было интересно, я думал о своем, понимал, то, что слышу – важно. Важно лично для меня, для того, что зрело внутри. Слова Сергея были будто кормом для того моего внутреннего. Я почувствовал, как поглотив рассказ Сергея, оно стало больше, выросло.

- И утром встаю... пытаюсь вспомнить, то, что приснилось ночью... – замер Сергей в третий раз, расслабился, рука бессильно упала на подлокотник. – И не могу...

Напарник, наконец, размагнитил взгляд, перевел его на меня.

- И главное, я все так ярко видел! Я помню, что видел все! – заговорил он эмоционально. – А вспомнить не могу! Ничего... Ни одной детали... Хотел тебе рассказать, а ничего так и не вспомнил...

«Вот и все...» - загорелась в моей голове мысль-сожаление. Для себя я понимал, о чем сожалел и не стал развивать мысль, просто отвернулся влево к окну и едва уловимо поморщился. Кругом многие уже мыли свои машины.

- Че, придется все-таки мыть нам машину, Серый... – сказал я.

- Роман, ну давай в этот раз ты помоешь, а то в прошлый я мыл! – проговорил он быстро и неожиданно, будто боясь, что я его прерву и откажусь, начну оспаривать.

- Да, давай... – кивнул я, думая все о своем, что всколыхнулось рассказом Сергея, выходя из машины, бросил напарнику. – Ну сходи тогда за водой, а я помою...

Холодная вода. Ведро стояло передо мною. Я опустил в него руку с тряпкой, суставы кисти сразу начало нудно крутить. Я принялся мыть кузов машины. В воздухе висела влага, мыть было проще, но все равно холодно. Руки привыкли к воде, теперь она их уже не морозила, а жгла. Я домыл машину, закончил с фарами, вылил воду в кусты, убрал ведро с тряпкой в багажник, сунул руки в карманы штанов, пытаюсь их согреть. Вышло плохо – руки через ткань лишь неприятно охладили ноги. Я купил стакан чая у тетки, так лучше,

руки стали согреваться о кипяток сквозь тонкую стену пластика. Погода стояла мерзкая. Через полчаса показались первые покупатели. Время девять. Торговля с каждым разом становилась все хуже. К нашей машине перестали даже подходить, к дорогим в верхнем ряду и подавно. Весь покупательский интерес ушел к самым дешевым иномаркам. До полудня мы просто мерзли на отвратительном едва уловимом северо-восточном ветре. В полдень заметно потеплело, но мне уже было все равно, хотелось лишь поскорее домой, согреться. Разъехались с авторынка в час.

Вечером после четырех я ушел в свою квартиру. Впереди ждало много нудной работы – прикручивание по всему периметру квартиры пластикового плинтуса. Примерить плинтус, просверлить отверстия в стене на равном расстоянии, прикрутить плинтус – ничего сложного, но много движений. Особенно бесконечное – присесть на колени, встать, снова присесть, снова встать. Работа не сложная, но на следующее утро мое тело болело так, будто я вприсядку прошагал десять километров. Последнее воскресенье сентября тоже не задалось, «ниссан» не купили. Витя снова продал машину. Какая-то дерганая блондинка с претензиями в движениях и манерах купила у него «пежо». Она была счастлива. Витя тоже. «Дурочка, знала бы ты, что за ведро купила», - подумал я, когда блондинка с надменно довольным лицом уезжала на машине с площадки.

У Сергея зазвонил телефон, и я успел увидеть на внешнем экране высветившегося абонента – «Любимая». За все время мне ни разу так во время звонка не попадался на глаза его телефон, а тут, как специально.

- Да, Вер, - буркнул Сергей в телефон, и я задумался. В голове сразу проскочил наш прежний с ним диалог про то, как он записан у меня в телефоне и как я у него. Мгновенно два события в голове соединились вместе, образовав цепочку-связь – я разом все понял, но окончательно решил уяснить позже, наедине с собой. Но некоторые эмоции все-же забурлили сразу. Мне стало, вдруг, нестерпимо жаль Веру. Я вспомнил сразу все ее поступки, что рассказал мне Сергей – как она проснулась, схватила трусы и потащила стирать; как выливала спирт в костер, пока Сергей с друзьями спали в палатке; как возила обед в кастрюльке через весь город на трамвае будущему мужу, торгующему кассетами на рынке; как... Все эти события единой нитью пронеслись в моей голове и следом другие, высказывания Сергея о своей жене и вообще о женщинах – как он говорил, что все бабы дуры, не могут мыслить дальше, чем на один шаг вперед; что он вообще баб не любит, да и Верку тоже; что в баб он никогда не вкладывался; что... Да, и это его слово – бабы. Не женщины, а бабы... Я ни разу не слышал от Сергея слово женщина, по крайней мере, я не мог такого припомнить. Лишь сплошное – бабы, бабы, бабы... И так желчно, ядовито. Я вдруг понял, что это его «пыжовство» перед «бабами» от слабости, от боязни их, от нежелания идти трудным путем построения равных полноценных отношений с женщиной. Отсюда и решение – действовать через женские слабости, ждать, когда какая-нибудь очередная искренняя простушка влюбится в него и дальше уже «вить из нее веревки» по полной. Вот Вера и попала в его сети. Пока она пребывала в любви, Сергей опутывал ее обязанностями, нагружал так, чтоб она головы не могла поднять. Вера по своей простоте, да и по безнадеге и безысходности – безотцовщина, мать-поломойка, брат-бездельник и почти алкоголик – искренне строила семью. Родилась Лилька. И вроде бы отношения дали трещину, возможно, Вера начала испытывать тот же дискомфорт, что и я, узнав мужа получше. Но Сергей, будучи ловкачом, на время сделался добрым и ласковым мужем, ведь «главное расслабить, а засунуть всегда успеешь», отношения вроде как наладились, а на летнем от-

дыхе Вера «вдруг» забеременела. Ну не делать же аборт, в самом деле? Тем более «раз Боженька послал второго ребенка» – я вспомнил и эти слова Сергея, так и представив его с картинно сложенными руками перед собой, как изображают святых на иконах, да еще и набожно крестящегося. А там, раз ребенка два, то куда денется с ними жена от мужа? В ту старую халупу к матери и брату? Обратно в нищенскую жизнь? Шах и мат жене поставил ловкий муж Сергей. И следом нитью пронеслись и оба нервных срыва Веры, делавшие картину лишь более ясной. Мне вдруг стало так мерзко от осознания всего этого. Стало тошно. Будто я, плавая в трясине фактов, поступков, слов, мыслей Сергея, вытянул рукой на себя за сформировавшиеся нити огромный зловонный ком гадости. Хотелось забыть, не думать дальше, но мозг не слушался – продолжал обрабатывать все известные факты, собирал из них нити логики, и настойчиво совал мне их в лицо. Я не мог от них отвертеться. Веру было жалко страшно. Но мысль сама собой завершилась. И я будто получил передышку. Но тут же накатила обида, тягучая, нехорошая обида, сдавившая грудь и почти не дававшая мне дышать – обида за себя, жалость. Отвратительное чувство жалости к себе, какое тут же хотелось гнать прочь. Я старался, но эмоция оказалась сильнее меня. Я все еще не понимал – как и почему такому лицемеру досталась в жены порядочная девушка Вера и почему мне, явно не лицемеру, регулярно встречались в жизни девушки, обращавшиеся со мной тем хуже, чем лучше относился я к ним. Я понимал, что именно в этом факте и есть ответ на мой вопрос к себе, но принять такой ответ я не мог. Он противоречил всем моим внутренним принципам. Выходило странное – мужчины, обращавшиеся с женщинами отвратительно, получали лучших из них, а нормальное обращение с женщинами создавало лишь проблемы. Парадокс.

Я устал от размышлений лишь к вечеру, сверля в своей квартире очередную дырку под плинтус, будто очнулся от них. Вдобавок разболелась голова. Я бросил работу, вернулся домой, выпил таблетку «цитрамона» и лег спать.

В понедельник, 29 сентября, мы отнесли в кассу строительной компании сто семьдесят тысяч рублей. Сумму высчитали с таким прицелом, что невыплаченный остаток за «двушку» по сумме равнялся уже оплаченной сумме за «однушку». Мы надеялись, что мое предложение по объединению сумму с двух квартир в одну, сработает.

- Когда пойдешь разговаривать с Анной Петровной? – посмотрел на меня Сергей, едва мы вышли из офиса «Шанса» и сели в «мазду».

- В начале октября! – выпалил тут же я, нащупывая мысленно оптимальную дату для переговоров на такую щепетильную тему. – Деньги мы внесли, это хорошо! Она как раз посмотрит, когда я к ней пойду, что у нас сумма полная есть уже в двух квартирах и просто нужно объединить и все, и ей будет легче согласиться...

В последний день сентября пришла фура с солями из Питера, шестнадцать тонн. Объемы уже были не те, что прежде, но мы еще шли неплохо. Вызвали четырех наемных грузчиков, те выгружали товар, а мы с Сергеем трудились на укладке. С погодой повезло, настоящая сухая теплая осень вернулась, мягкий южный ветер к полудню надул тепла на двадцать градусов. Я трудился в старой спортивной «мастерке», едва ли отличаясь внешне от грузчиков. Сергей выглядел основательнее. Он стянул пузо своим поясом, отчего раздулся в груди и так, сопя и пыхтя, размеренно укладывал коробки на поддоны. На фуру ушло шесть часов с двумя короткими перекурами и одним отдыхом минут в двадцать. Пару раз пили чай. Мысли продолжали бродить в голове, немного отвлекая меня от монотон-

ного тяжелого физического труда. Я в который раз думал о том, что общение с Сергеем изменило меня сильно. Я стал внимательнее к мелочам. Раньше я видел происходящее вокруг лишь в крупных деталях, в основных событиях. Теперь же вдобавок развилось и восприятие мелких. И будто одно видение дополнилось другим, и мир в моих глазах приобрел объем. Глаз цеплялся за мелочи сам. И прицепился к поясу Сергея. Я понял, что воспринимаю факт его появления уже иначе, не так, как объяснил напарник. В сорванную когда-то спину не верилось. Я присмотрелся к стилю работы Сергея – тот носил коробки медленно и размеренно. Старался принимать их у грузчиков как можно позже, чтоб держать тяжесть в руках, как можно меньше. Я глянул на себя со стороны и удивился контрасту с напарником – я трудился энергично, совершая за то же время раза в два больше движений и перенося руками больший вес. Вдруг подумалось – а что если Сергей придумал всю эту историю со спиной, чтоб иметь вполне веское оправдание ленивой манере работы? И пояс купил для пущей убедительности. Я вспомнил сорванную спину отца, когда тот вдруг делал неловкое движение, охал от боли, приседал тут же на ногах и потом полдня с трудом разгибался – так по-настоящему прихватывало сорванную спину. У Сергея ничего подобного я не замечал, ни одного случая на моих глазах. И мне не нравился новый образ моего мышления, начинало отдавать паранойей. Но я уже ничего не мог с собой поделать, поэтому замедлился и стал носить коробки так же медленно, как и Сергей.

- Заказали мы котенка! – произнесла вдруг Вера, сосредоточенно занимавшаяся «учебой». Она оторвалась на минутку от работы, посмотрела на меня довольным лицом.

- Все-таки заказали!? – переспросил я, отчего-то еще надеясь, что возьмут они детям такого же, но без родословной и на месте и бесплатно, в общем, обычного котенка, не тратя зря денег. – И сколько... десятка?

- Да, десять тысяч... – чуть сконфузилась Вера, тут же начала оправдываться. – Но мы уж решили, дети хотят такую кошку...

- Десять тысяч... – покачал я головой. – Вон... бесплатно бы тут такого же взяли... Ну был бы он без родословной, и чего?

- Не, Роман, ну мы уже решили, заказали! – обрезал меня тут же Сергей, решительно отмахнувшись от любых дальнейших возражений.

- Ну... ваше дело, я не спорю... просто высказал свое мнение... – пожал я плечами и удобнее устроился в кресле, поежился.

- И через сколько ж привезут? – посмотрел я на Веру.

- Ой, Ром! – прервалась та в работе, вздохнула. – Сказали две недели...

- Ну там, пока все документы оформят, пока все прививки сделают...! – взмахнул пару раз небрежно руками Сергей, приняв в кресле еще более расслабленную позу. На календаре был первый день октября. Среда у нас всегда выходила «офисным» днем. К обеду все дела переделались, и Вера полностью погрузилась «учебу». Сергей скучал, я тоже.

- Че ты сидишь!? – вдруг выпалил он, глянул на свой мобильник. – Ехал бы домой! Время уже три... Дела все поделали, завтра поедем в «Форт» и «Меркурий»... Накладные набили, там полничком как раз выходит «газель»... Едь домой, Роман!

Я задумался.

- Я б сам поехал! – добавил Сергей, махнул рукой в сторону Веры. – Если б не это... Верку́ учебу надо делать, поэтому мы тут до пяти точно будем, а может даже и до шести... Сергей смачно зевнул, отчего второй подбородок беспокойно задвигался.

- До пяти, Сереж! – выдала Вера без отрыва от монитора. – Мы с твоим папой договаривались, что он до шести побудет с детьми, и мы приедем!

- А, ну да, точно... – кивнул Сергей, скрестил руки на груди. – Все верно, Верок.

Перед самым отъездом Сергей сломал сканер – продавил стекло локтем. Вера как раз готовила на компьютере его курсовой проект и задала мужу уточняющий вопрос. Сергей встал с кресла, обошел меня вокруг, приблизился к жене со стороны стола, на котором стояли принтер и сканер и облокотился на крышку последнего, навалился всем весом, подался вперед, всматриваясь в монитор. Под крышкой хрустнуло. Вера вздрогнула, метнула испуганный взгляд на сканер. Сергей резко отстранился назад.

- Сканер накрылся, - спокойно произнес я.

По лицу Веры побежали красные пятна гнева, но тут же были усмирены ее характером. Сергей растерянно заблуждал глазами, приоткрыл крышку сканера – стекло было лопнуто. Вера зыркнула на мужа, я поймал ее взгляд.

- Ну, ничего страшного... – сказал я спокойно. – Отвезешь, Серый, в ремонт... Починят, поменяют стекло, да и все...

Следующие два дня Сергей с виноватым видом суетился по поводу сканера, и на третий привез его из ремонта рабочим.

Кризис все настойчивее проникал в сознание страны. Из-за вынужденного ускорения выплат по договорам долевого строительства в нашей фирме возникла финансовая дыра, торговые обороты стали ожидаемо снижаться к ноябрю, а летние долги за товары погашались нами со все большими просрочками. Ситуацию нельзя было запускать, и я озвучил свои тревоги напарнику.

- Так что, Серый, нам нужно будет что-то думать, чтоб выровнять ситуацию и закрыть все долги! – сказал я, когда мы оказались с ним наедине в «мазде». – Просто мы и так уже много кому начинаем долги просрочивать, а это плохо, нам могут перестать отгружать товар...

- Ну да, нехорошо... – буркнул Сергей, задумчиво ведя машину, через пару секунд бодрым голосом выпалил. – Роман, ну а че ты предлагаешь!? Где мы деньги возьмем!? Ну если их нет щас!? Пусть ждут!

- Нет, Серый, это не вариант! – тут же жестко отрезал я типичную попытку Сергея уйти от проблемы, сунув, что называется, голову в песок и пустить дела на самотек. – Так не годится! Засрать бизнес – это не очень умное решение!

Напарник окаменел в лице, услышав нелицеприятное и явно адресованное ему.

- Ну и что ты предлагаешь? – буркнул Сергей обиженно.

Мне было плевать на его капризы, все эти обиженные надувания губ, драматически грустные паузы – все это меня уже достало и злило! Я имел дело с «тряпкой» – капризной, амбициозной, ленивой, хитрой, скользкой, непорядочной личностью. Такое понимание Сергея окончательно и бесповоротно укрепилось в моей голове. Я перестал реагировать на любые его ухищрения, будь то затягивание решения, уход от проблемы, забалтывание темы разговора, изображение немощности и все прочее из его набора дешевых приемов. Я понимал, что в очередной момент Сергей хочет именно соскочить с решения вопроса. Напарник буквально выскальзывал из рук при малейшем нажатии, словно кусок мыла. Я угомонил вспыхнувшую злость, мысленно проговаривая про себя будто мантру «Рома, терпи, осталось меньше года, просто потерпи, сдашь дела отцу, и пусть уже он возится с

этим Сережей, отца на пару лет хватит, заработает денег и распрощается с этим фруктом окончательно, так что, терпи!» Едва злость улеглась, я принялся давить на Сергея, произнес спокойно и логически выверено:

- Серый, я предлагаю очень простую вещь – посчитать необходимую нам сумму денег и временно ее внести в фирму, а как только все выровняется, мы заработаем недостающие деньги, то заемные деньги выведем обратно! По моим прикидкам, нам не так уж много надо, сто, максимум двести тысяч рублей на пару месяцев... ну, скажем, до конца года...

- Ну, и где ты хочешь занять эти деньги? – произнес после секундного раздумья Сергей и заметно напрягся.

- У самих себя и возьмем! Принесем деньги в фирму, половину я, половину ты! – сделал я следующий шаг, будто в короткой шахматной партии, пододвинув Сергея к очевидному решению. – Ты ж сам говорил, помнишь, что у тебя там пятьсот тысяч есть в акциях и, если надо будет фирме, то ты вынешь их и принесешь! Вот сейчас как раз такой момент! Нам пятьсот не надо, тут от силы две сотни потребуются на пару месяцев... по сотне на каждого... так что... Сотню, я думаю, ты ж сможешь принести!?

Я припер Сергея к стенке. Лицо напарника обвисло в растерянной задумчивости.

- Ну а ты-то сможешь сотню принести? – буркнул он, будто затягивая время и продолжая лихорадочно обдумывать сложившуюся ситуацию.

- Я у отца займу... У меня у самого нет денег, все же на ремонт уходит, а у него есть... Я думаю, он даст без проблем! И кстати, можно даже сделать так, чтоб это не выглядело халявой какой-то – возьмем деньги в фирму под проценты, скажем... – прикинул я. – Два процента в месяц, это двадцать четыре годовых! Нормальный процент, на сто тысяч принесенных получается две тысячи в месяц... нормально... Что скажешь, Серый!?

- Не, ну идея нормальная! – вздохнул тяжело напарник.

- Ну и все тогда, не будем париться! – ввернул быстро я. – Как понадобится...

- Не, ну надо просто все хорошенько обдумать! – тут же уперся Сергей. – Я, например, не могу прям щас взять и принести сто тысяч!

Я внутренне ухмыльнулся – подозрения оправдывались, давние рассказы про «полмиллиона», которые Сергей может в любой момент «вынуть и принести в фирму» отдавали враньем, тем самым «пыжовством». Я понимал, что какая-то сумма денег в записке у Сергея есть, но значительно меньшая, чем та, какой он передо мною рисовался. Я устроил напарнику обычную «проверку на вшивость», и тот, почувствовав опасность раскрытия, уперся, старательно выторговывая себе время для маневра. Я понял его и не стал давить, чуть ослабил нажим.

- Не, Серый, а щас и не нужно! – бодро произнес я с деланным простодушием в голосе. – Нам деньги могут понадобиться в конце этого месяца или даже вообще в ноябре! Но лучше быть готовыми к концу октября все же! Поэтому, я заранее тебе тему и озвучил, чтоб это не было неожиданностью ни для кого! А с отцом я сегодня тоже переговорю... Ну так че, раз идея в принципе нормальная, тогда давай будем готовы принести, если нужно будет, по сотке в фирму, да!?

- Не, Роман, ну погоди! – сильнее уперся Сергей, произнес слова нервно и сдвинул в раздражении брови. – Мне надо еще посмотреть по деньгам! Может, я сразу и не смогу принести сотку, а например, смогу только полтинник!

- А, ну хорошо! Ну посмотришь тогда по своим возможностям и скажешь, какую сумму сможешь принести в конце месяца, да!? А я такую же у отца возьму!

- Ну полтинник я вот смогу! – раздраженно выдал Сергей, будто злясь на то, что я вынуждал его озвучить финансовую несостоятельность. А я вынуждал и еще вдобавок вскользь дал понять, что помню его хвастливые заявления. Я загнал Сергея в тупик. Он не мог отказаться. Отказ равнялся признанию во вранье.

- А ну пусть так! – продолжал я имитировать простодушную прямолинейность. – Тогда давай принесем по полтиннику в конце октября и будем готовы, если понадобится, еще и в ноябре принести тоже по полтиннику... да и все! Хотя, мы, может, и соткой обойдемся! Посмотрим, как дело пойдет... там видно будет! Да!?

- Ну да, давай так, - буркнул Сергей.

- Че!? Короче планируем по полтиннику в конце месяца, да!? – уточнил я нарочно, хорошо выучив манеру напарника давать общие ничего не значащие ответы.

- Да! По полтиннику! Договорились, Роман! – выпалил Сергей, посопел несколько секунд молча, выдохнул тяжело. – Вот ты настырный, Роман... как прицепишься с какой-нибудь херней...

- Серый? – изобразил я удивление. – Да где я цеплялся? Надо же вопрос выяснить до конца, чтоб не было никаких недомолвок... и потом мы не говорили друг другу, что что-то недопоняли... один сказал так, а другой подумал так... Все чтоб четко было!

- Да я понял тебя... – потухшим голосом удрученно буркнул Сергей, смотря задумчивым взглядом на дорогу.

Кризис жал все сильнее. Три процента, отстегиваемые Сене в «Меркурии», стали заметно давить на прибыль. Я предложил Сергею попытаться уговорить Сеню на два процента, напарник согласился, но, как всегда, без какого либо вдохновения. На следующий день в четверг я озвучил предложение Сене.

- Не, я за два процента даже жопу морщить не буду! – отрезал тот открытым текстом. – Мы с вами договорились на три, все, договор исполняем! А если вы не можете, то... уж извините... придется мне брать товар у тех, кто может...

Я понял, что предпринял неверный шаг, быстро отыграл все назад и ретировался. С жесткими людьми всегда так, они умеют отстаивать свою точку зрения – это плюс. Но когда натыкаешься на их твердую позицию, то всегда раздражаешься и злишься, думая, что уж по отношению к тебе она могла бы быть и помягче. Но потом отходишь и понимаешь, что все нормально. Работа продолжается, и снова ловишь себя на мысли, что иметь дело лучше именно с такими людьми. Продуктивнее.

Кризис нам сыграл и в плюс – «СМУ-5» резко сократило свои строительные амбиции, завод так и продолжил рассыпаться дальше, мы сохранили дешевый склад.

История с «Аэросибом» вдруг получила продолжение. Коммерческий директор завода, порвав отношения с нами, отдал дистрибьюцию аэрозолей в Старый Оскол «Орлану». Обо всем нам рассказала знакомая Сергея в очередном телефонном звонке. Она буквально начала плакаться в телефон о том что руководство «Орлана» подписало невыгодный им договор, по которому обязалось продавать аэрозолей аж на миллион в месяц, и что первая партия пришла в начале сентября, а уже начало октября и не продана даже треть, и что она не знает, как быть и куда все это девать. Внутри меня мгновенно сработало чутье.

- Серый... – прошипел я. – Серый! Скажи, что мы у нее будем брать «Аэросиб» на бартер, пусть даст минимальные цены, скажи, мы ее выручим и все прогоним через себя!

Естественно девушка уцепилась за спасительную соломинку нашего предложения. Через полчаса цены были у нас. Мы сравнили их с отпускными ценами завода.

- Пять процентов! – кивнул возбужденно я. – Отлично! То, что надо! Предложим ей товар в бартер минимум через десять процентов и будем еще и в плюсе на целых пять процентов... а то и больше! И нахуй нам этот пижон со своими выебонами дешевыми не нужен! Пусть там у себя в Москве выебывается, хер с бугра!

- Роман! Блин... – расплылся в улыбке Сергей и закачал головой, глянул на недопонимающее лицо жены, добавил. – Взъелся на этого... Дался он тебе...

- Да не, а че он, блять, приехал, такой весь из себя ферзь! Я, блять, долго не разговариваю, сразу подаю в Арбитражный суд, он пусть и решает! Вот и сиди, блять, со своим судом в своей Москве, олень ебаный! – я отводил душу, а сам улыбался, а в конце тирады вообще засмеялся, махнул рукой. – Да ладно, это я так... паясничаю... Насрать мне на этого идиота! Главное – дело! А оно у нас вдруг неожиданно снова заработало... И главное... – я посмотрел на Сергея и Веру. – У нас как раз уже остатки «Аэросиба» подходят к концу и тут, хоп, товар нарисовался, да!? Четко вышло!

Дело выгорело. Мы стали получать продукцию «Аэросиба» из Старого Оскола и продолжили продавать ее в городе. Никто так и не узнал, что мы лишились официального договора дистрибьюции. И нам даже стало проще, мы заказывали товар буквально на пару недель вперед, никаких больших складских запасов и висящих долгов перед заводом, все по-минимуму. Идеальный вариант. Худо обернулось добром.

Погода наладилась, торчать на авторынке стало не так скучно. Все выходные дул теплый южный ветер. Машину мы не продали. Я отвлекал себя от столь неудачной рутины тремя способами – утренними дремотными разговорами по душам с Сергеем, частым торчанием у киоска с пирожками и кофе и наблюдением за поведением жулика Вити. Тот умудрялся продавать машину если не каждые выходные, то через раз точно.

Около одиннадцати начался наплыв покупателей, Сергей куда-то отошел, я остался в «ниссане» один, поглядывая, как суетится возле своей машины, метрах в семи от меня, Витя. Ручеек покупателей, протекавший без задержек по верхнему ряду дорогих машин, достигнув нашего дальнего края площадки, уперся в него и по всем законам природы стал стекать вниз и уже тут уперся в короткий ряд из трех машин. Возле них ручеек естественным образом закрутился, раздумывая, куда бы двинуться дальше. Две из трех машин продавал Витя. Чувствуя растерянность замешкавшихся людей, он крутился рядом и что-то приговаривал, будто мимоходом, невзначай, как мантру. Едва ли не каждый второй покупатель отзывался и переключал внимание на машины Вити. Таких он опекал ближе, но ненавязчиво, через минуту уже показывал салон или задира л капот. Покупатели все глубже затягивались в процесс осмотра обеих машин. Витя грамотно сужал покупателям выбор от всех предложений авторынка до своих автомобилей. С каждым клиентом он возился долго, вроде и не настаивал, но и далеко не отпускал. Наконец, покупатель подводился к важной точке принятия решения, колебался и... чаще уходил. Витя не смущался, расслаблено провожал того и продолжал лениво кружить вокруг своих машин, сканируя взглядом все притекавших новых покупателей. Проходило не более трех минут, как Витя начинал весь процесс по новой. И вот покупатель клюнул. Мне было интересно, я вышел из «ниссана» и направился за стаканом кофе к киоску, как раз мимо Вити.

- ... аккуратная машинка, пробег небольшой, семейная пара ездила... – расслышал я обрывок фразы, загружаемой им в доверчивые уши покупателя. – А сейчас продают, кри-

зис же, а у них ипотека, платить надо, а жену уволили, поэтому они решили машину продать, а так бы не стали... машинка же аккуратная, сами видите...

Я получил свой стакан кофе, стал у киоска метрах в трех. Витю я уже не слышал, тот был позади в десяти метрах, лишь продолжил наблюдать за его движениями и мимикой. У Вити все было четко и отработано. На половине стакана кофе ушел очередной покупатель. Витя вернулся к расслабленному кружению. Объявился Сергей, глянул на «ниссан», не обнаружил меня внутри, стал оглядываться, подошел к Вите, завязал с тем разговор и лишь теперь заметил меня. Я стал наблюдать за обоими. Сергей вел себя важно, приправляя образ ленными жестами и движениями. Он исполнял роль. В который раз я подумал, что Сергей прирожденный актер и наверняка сделал бы хорошую карьеру в этом ремесле. Только наблюдательный человек мог заметить фальшь поведения, а дотошный проникнуть глубже и обнаружить под вросшей маской значительности слабого пугливого и не очень-то развитого человечка. У меня ушло на это два последних года из трех. Первый не в счет, я был наивен и слеп... Я допил кофе и немного окольным путем вернулся к «ниссану». С четверть часа я просидел в машине. При Сергее Витя успел привлечь пару покупателей, но «добыча» ушла. Сергей вернулся в «ниссан».

- Нормально так Витя заливаает там в уши, я смотрю... – сказал я.

- Да, неплохо... – кивнул Сергей, опуская уголки губ вниз – признак неподдельного впечатления. – Он при мне щас такой... Баба какая-то подходит, Витя ей – Да вот знакомый жене машину взял в кредит! А сами видите, сейчас кризис! Годик она покаталась, за кредит стало тяжело платить... так не хотели они машину продавать, это ж у них вторая машина в семье, жена ездила аккуратно, муж за машиной следил, он сам в автобизнесе... И я слушаю, Витя такой чешет ей по ушам, только в путь! Но баба че-то постояла, передумала и ушла... И тут же какой-то пацан с матерью подходят следом...

- Ну да... – кивнул я, улыбаясь.

- А ты видел, да!? – оживился и подскочил на сидении Сергей.

- Видел-видел... – закивал я. – Я ж тут сидел, из машины видно отлично. Нормально он там заливаает... как надо... Витя – ловкач...

- Аха! И эти такие подходят... сын с матерью и Витя такой... спокойно так, даже не напрягаясь, начинает им рассказывать – да вот, девочка знакомая ездила, работает менеджером в офисе в престижной фирме, взяла машину в кредит, а тут кризис... и она вот теперь машину продает... машина хорошая, девочка аккуратная, каталась на ней бережно, жаль продавать, но приходится...

- Да, молодец Витя... – кивнул я, хмыкнул с сарказмом. – Не то, что мы, Серый... Мож нам тоже придумать какую-нибудь басню вот такую и втулять ее всем подряд, а!?

Я азартно глянул на напарника.

- Га-га-га! – гоготнул тот своим намеренно животным смехом, назначение которого я уже знал – полное удовлетворение от моих действий или слов. И смех этот возникал всегда, когда я высказывал намерения или мысли не самые лучшие, а то и совсем нехорошие. Будто Сергей поощрял меня им к дальнейшим действиям, выказывая полное свое одобрение. Но выходило наоборот. Такой смех всегда действовал на меня отталкивающе и даже отрезвляюще, будто я приближался к опасной черте, за которой кончалось тонкое едва уловимое человеческое во мне, а начиналось низкое животное. И я, отрезвляясь смехом напарника, не двигался дальше «красных флажков».

- Да, будем говорить покупателям что-нибудь навроде – купил машину бывший военный полковник, пенсионер, выбирал ее тщательно, для себя и не успел на ней поездить, как срочно понадобились деньги, сын женился, ему на новую квартиру немного не хватает, приходится продавать папаше машину, авто отличное, пробег реальный... – произнес я тираду наигранно серьезным голосом, чем еще больше развеселил Сергея.

- Да, да, точно! – засуетился он. – Давай, Роман, так и скажем в следующий раз! Как кто-нибудь подойдет, ты ему это сразу и скажи! У тебя классно получается!

- Да ладно... – отмахнулся я. – Чушь все это... так продадим... Пусть Витя этой херней занимается, у него на лице написано, что он проходимец...

- Да ладно, что там у него написано... – буркнул Сергей уже безрадостно, даже скорее возразил недовольно.

- Ну как че написано... – философски сказал я. – По лицу ж человека все видно... Ты же людей видишь сразу, различаешь?

Я посмотрел на напарника, тот хотел ответить, но задумался, слова застряли на губах. Я ответ угадал, потому добавил: «Вот и я людей вижу... Витя – жулик! Мелкий, непорядочный жулик с бегающими глазками...»

- Ну вообще-то да... – буркнул Сергей.

А ощущение подталкивания Сергеем меня к опрометчивым действием еще не раз подтвердилось. Через пару недель я вновь убедился в таком скрытом его намерении.

Машину мы не продали. После обеда я пошел в свою квартиру, отметив, что уже привыкаю к ней. Вложенный труд во что-либо или в кого-либо создает привыкание. Квартира стала в некотором роде моей отдушиной, там я мог побыть один и отвлечься от мыслей физическим трудом. Дома обстановка накалялась все сильнее. Отец подал на развод, но мать отказалась в назначенный день идти на самую процедуру.

- Ну вот такая она... – сказал после события отец, когда мы в очередной раз развозили с ним товар. – Как кричать, так хвост трубой, а как отвечать за свои слова, как дело касается чего-то конкретного, так она в кусты... И всю жизнь так было...

Последнюю фразу отец добавил ядовито с прищуром, покопавшись в воспоминаниях и зло затянувшись сигаретой.

- Я вот не понимаю, если честно! – воскликнул я, не зная, куда девать накопившиеся мысли и решившись их высказать. – Я, конечно, понимаю, я сын и все такое, но мне все равно интересно, как вы умудрились вообще сойтись и пожениться с матерью? Вы же совершенно разные! Вам просто противопоказано жить вместе!

Отец принялся пространно рассказывать про свою молодость, про момент знакомства с матерью. Я слышал такое впервые, было интересно. Оказывается, они поженились и переехали тут же в Ставрополь, прожили там год, поругались, мать собрала вещи и вернулась в свой родной город. Вышла серьезная ссора, запахло разводом. Отец поехал за матерью и уговорил ее вернуться к нему. Он пару ночей провел на вокзале, теща не пускала его в дом, мать не хотела видеть. Но как-то все уладилось, родители снова сошлись. Отец не вернулся на предприятие, а пошел служить в армию прапорщиком. Родители переехали по месту его службы в другой город, им дали служебную квартиру, там я и родился.

- Ну и че, мать все время что ли такая была? – буркнул я.

- Да не, не все время... – сказал задумчиво отец. – Да она вообще сначала нормальная была! Это потом она уже стала злой, нервной... Не была она такой по началу! Я помню ее хорошо – веселая, доброжелательная...

Я ничего не понимал. Что-то не сходилось во всей этой родительской истории, фактов не хватало. Я тоже ребенком помнил мать, действительно, она была не такой, лучше. Сейчас же стала просто невыносимой, от нее хотелось бежать куда подальше, куда глаза глядят, лишь бы только никогда не видеть.

- Ну и ты снова будешь подавать не развод? – посмотрел я на отца, где-то в глубине души оставаясь в сомнениях, чувствуя его нерешительность.

- Буду, конечно! – на удивление твердо произнес он. – Это не жизнь...

- Ну вообще-то, раз уж начал, надо заканчивать, - кивнул я. – А то мать поймет, что ты струсил, и она тебя совсем тогда сожрет...

В кабине возникла напряженная пауза. Оба думали.

- Кстати, мать, может, это и образумит! – нашел я в голове спасительную мысль и тут же ее озвучил. – Если ты до конца настоишь на разводе и разведешься, то она поймет, что ты серьезно настроен, и притихнет... Она трусоватая по своей натуре. Просто струсит и притихнет, а там, глядишь, и все нормализуется еще у вас...

- Я с матерью жить не буду, - твердо произнес отец, глаза его сузились, взглядом застыли вперед в никуда, тем самым, каким пристально всматриваются в ошибки прошлого. Хотя я и поддерживал отца, но удивился его решению. Отец всегда поступал иначе, он мог доходить в конфликтах с матерью до любой точки кипения, но всегда откатывал назад. И все повторялось заново. А тут... видимо накопело окончательно и бесповоротно.

- Нам тогда еще надо было разводиться... – произнес отец, все всматриваясь в прошлое. – Когда ты в школу еще ходил, лет одиннадцать тебе было... Я тогда уже понимал, что мы с ней жить не будем...

- Это когда это?? – нахмурился я, копаясь в памяти.

- А когда она тебя посылала ко мне на работу... Сама на проходной осталась, а тебя послала... Я тогда уже неделю дома не ночевал, спал на работе, а тут смотрю, ты идешь через плац... один... Пришел, стоишь – Пап, пойдем домой, тебя мама зовет, просила передать, что мы без тебя не проживем...

- А, да, помню! – закивал я, отчетливо увидев именно эти два момента – я иду через плац и стою уже перед отцом в какой-то комнате. Даже слова свои вспомнил, отец верно их повторил.

- Мне тебя жалко стало... Ты такой смысленный был... Если бы тебя не было, мы бы давно разошлись. А так ты уже был. Я посмотрел на тебя, понял, что с ней ты пропадешь. Не даст она ума тебе, будешь болтаться с ней как попало полуголодный, вырастешь потом, скажешь – отец бросил... такой-сякой... А я не хотел, чтоб ты так про меня думал...

- И вернулся, да?

- Да, вернулся... Вроде все наладилось, мать стала тихой, ласковой, приветливой... А потом снова...

«Это будет бесконечно», - понял я, внутренне вздрогнув от ощущения замкнутого круга, по которому бегал в отношениях с матерью отец, и отголоски которых невыносимо угнетали мою психику на протяжении всех лет моей жизни, какие я помнил. Подумал тут же об отношениях уже меня и отца. Они тоже складывались странно. Я уже не тянулся к нему как раньше, обвинение меня в воровстве пропахало между нами глубокий ров. Отец никак не стремился его устранить или преодолеть, я же считал себя оскорбленным. Но жизнь нас упорно толкала друг к другу, будто нам еще предстояло пройти какой-то путь вместе и выяснить отношения до конца. Мы оба плавали в трясине жизни. У отца ей явля-

лись отношения с матерью, у меня – такие же ненадежные отношения с партнером по бизнесу Сергеем. И я и отец искали опору, вот и прибились вновь друг к другу. Вынужденно.

Та фраза отца обо мне, маленьком, смышленном, могущем кануть в безотцовщине, меня сильно тронула. Я вновь буквально вознес отца на моральный олимп, забыв тут же все свои претензии. Но он позже вновь все испортил сам.

Едва я оказался в своей квартире и принялся за работу, в дверь постучали. Я знал – отец. Открыл, тот вошел с виноватым видом. Я безошибочно подмечал такой взгляд у него. И причиной было мое решение делать ремонт в квартире максимально самостоятельно. Странная вышла у нас отцом тяжба на почве ремонта. Едва я попросил его помощи, отец выказал надменное недовольство моей несамостоятельностью. У него иногда проскакивал такой пункт – вот у меня в твои годы... или я в твои годы уже... И что-то там «уже». Меня такое тыканье, будто щенка в лужу собственной мочи, задевало сильно. Отец и в этот раз будто ждал, что я начну его упрашивать помочь мне с ремонтом. А я не стал. Взаялся за все сам. И отец виновато потрусил за мной. И стало только хуже, уважения к отцу убавилось. Я так злился, когда видел его этот самый виноватый взгляд. Отец сразу убивал им во мне образ «отца», превращаясь в рядового мужика «как все». Едва отец вошел в квартиру, я отвернулся, дабы не встретиться с его виноватыми глазами. Отец так молча напрашивался обратно со своей помощью. Я не отталкивал и не приближал его. Все-таки отец же. Но делать ему в тот день было нечего, пока я занимался плитусами, отец крутился рядом, бродил по квартире. Под конец он уселся в большой комнате спиной к батарее и через минуту, проведя ладонью по поверхности ламината, произнес:

- Мда... у меня никогда не было такого пола!

Я оторвался от работы, посмотрел на отца. Его взгляд мне стал понятен тут же – в детстве отец жил в деревне, где в доме пол был вообще земляной, позже, когда я родился, родители жили в служебной квартире с деревянным полом из кривых рассохшихся досок. По переезду уже в наш город отец получил квартиру в панельном доме, поверх бетонной плиты полом в которой служил линолеум. А теперь время вновь ушло вперед и полы в новостройках все сплошь укладывали ламинатом или паркетом. Отец будто отчеркнул себя своей фразой от будущего, давая понять, что остался в своем времени, словно в уже отцепленном вагоне, который с каждым годом лишь замедлял инерцию своего хода.

На следующий день утренний разговор с Сергеем сам сполз на тему моих родителей, на душе мне было совсем гадко, хотелось выговориться, я рассказал ему все.

- Разводятся!?! – удивился тот, даже встрепенулся так, что сонливость ушла.

Я кивнул.

- И как же они жить теперь будут? – растерянно произнес Сергей. – Батя твой будет подавать на раздел квартиры или как?

- Да не, какой раздел... – отмахнулся я. – Как жили, так и будут жить какое-то время – по разным комнатам... А потом, да, отец планирует отселиться... Просто он хочет официально все оформить... Да я его понимаю... Мать тяжелый очень человек... С ней надо жить на расстоянии... так, пришел на пару часов в гости, пока она тебе рада, и тут же свалил... и все... А иначе это будет бесконечно...

Сергей молчал, слушал, лишь сунул руки назад между головой и сидением.

- Мать я вот понять не могу... – продолжал я. – Ей, то ли все похер, то ли она просто не понимает, что происходит... Просто, если я уеду, отец с ней разведется, как она жить и на что собирается? Вот это мне не понятно...

- Да че там не понятно!? – шмыгнул носом Сергей. – Ты в Москву уедешь и будешь ей присылать по десять тысяч в месяц, вот так она и жить будет!

- Ну, эт да... – кивнул я. – Если только так... Я то присылать буду, это понятно... А по-другому никак... С матерью жить невозможно... У нее ужасный характер...

Я тяжело вздохнул, добавил: «Как отец на ней женился, вообще не понимаю... Говорит, такой раньше не была... Зачем вообще жениться, если вот такое дерьмо потом случается... Я только один смысл вижу – дети, все! Другого смысла просто нет».

- Роман, да из-за детей и женятся и живут вместе... – буркнул Сергей.

- Да эт понятно... – кивнул я. – Просто терпеть все эти выходки из-за детей тоже глупо... Никаких нервов не хватит... Иногда, вот реально, хочется просто взять и ударить... Чтоб просто заткнулась нахер и все!

- Ну ты ж мать бить не будешь?

- Да нет конечно! – мотнул головой я. – Поэтому и говорю, что бить не будешь же! Да я даже сейчас не про мать, я вообще про женщин! Просто иногда бывают моменты в жизни, когда хочется просто ударить, потому что уже никакие слова не действуют! Взять ту же Лилю, например... Бля, ну она себя так мерзко вела, что я еле сдержался, помню, тогда! И вот зря, что женщин бить нельзя! Все это дебильное воспитание! Раз дал бы по башке, сразу бы затихла и фильтровала потом, что говорить, а что нет...

Я замолк, опустошенный, выговорился. В машине стало очень тихо. Пару минут никто не произносил ни звука. Я уже мысленно поставил точку на теме разговора.

- А я раз Вёрку ударил, – будто из задумчивости произнес Сергей.

- Серьезно что ли!? – повернул я голову к напарнику в полном удивлении.

- Да, раз ударил ее, – тяжело выдохнул фразу Сергей, выдернул руки из-за головы, подался вперед.

- А за что ты ее?

- Да она там полезла, куда не надо... – поморщился Сергей, заерзал по сидению. – Я ей раз сказал, чтоб не лезла... два сказал, а она снова... Там мы из-за нее чуть не получили! Ну и я не выдержал...

- Ударил?

- Да... раз ударил... – Сергей помолчал несколько секунд, добавил, торопливо, будто стыдясь. – Ну, я потом извинился перед ней, все там нормально потом было...

И снова в машине стало тихо. Сергей молчал от душевного дискомфорта, который буквально чувствовался. Я был удивлен, пытался представить Сергея, бьющего Веру где-то в какой-то стычке с какими-то другими людьми. И вдруг мое сознание стремительно само сложило из обрывков фраз Сергея картину происшествия. И вышла она странной. Я разглядывал картину, считывал малейшие детали и вдруг понял, что «получить» должен был Сергей. Один! А не он и Вера. Слово «мы», сказанное напарником, выпадало из смоделированной картины. Прилепить его обратно у меня уже не получалось. Вместо «мы» в рассказ напарника само нырнуло «я». Мне стало ясно – Сергей соврал в одном лишь этом месте, пересказывая случившееся. Тонкий момент, почти незаметный, но как разительно отличались при его искажении истории. Там где «мы» – боязнь Сергея за двух людей, а там где «я» – боязнь только за себя. Точно! Сергей ударил Веру от страха за себя! Испугался, что его избьют! Одно – прыгать и имитировать «боксера» в компании своих, зная, что есть за спиной другие, кто реально может. А другое дело – оказаться самому перед лицом опасности и обнаружить свою несостоятельность. Вот оно что.

Я вынырнул из размышлений. Мы по-прежнему сидели в машине вдвоем в полной тишине. Наверное прошла минута, две... Я в который раз удивился – мозг работал сам, он будто упражнялся, забавлялся... Будто тот самый маленький мальчик во мне никак не мог собрать игрушку из разрозненных деталей, процесс застопорился из-за одной детали, стоявшей криво. Мальчик обнаружил ее, переставил правильно, и сборка пошла дальше...